

18+

Алекс Айорн

ДЛЯ ТЕХ
КОМУ ЭТО ВАЖНО

Алекс Айорн

Для тех, кому это важно

«Издательские решения»

Айорн А.

Для тех, кому это важно / А. Айорн — «Издательские решения»,

От музыканта, потерявшего всё в слепой страсти к музыке, до убийцы, для которого любовь истинна лишь в смерти. От оказавшегося в совершенно пустом мире офисного планктона до «хикикомори», что вылезает из-под горы мусора. Самые ранние потуги писательского мытарства были запечатлены в этом сборнике. Длившийся несколько лет трудоёмкий процесс наконец-то закончился, впервые обретя полноценную форму.

© Айорн А.

© Издательские решения

Содержание

Август, или 1988	6
Грайндкор	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Для тех, кому это важно

Алекс Айорн

© Алекс Айорн, 2026

ISBN 978-5-0071-0098-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Август, или 1988

Наручные часы показывают вечер, вливающийся в ночь. Семь сегментов жидкокристаллического дисплея гласили: 21:27. Три минуты до неизбежного.

С большим вздохом, я опускаю руку, делая так, чтобы блики случайно не попали в глаза. Сегодня я на публике с открытыми карими глазами, почти что голый, ибо именно такое ощущение рождается, когда стою на улице или в помещениях без своих солнцезащитных очков. А освещение на сцене не убавить. Оно либо слепяще яркое, чтобы все знали кто на сцене, либо его нет или оно очень, очень тусклое, чтобы никто не знал кто на сцене. Среднего, увы, не дано. Ну и ладно. За столько-то лет мог и привыкнуть.

Я гляжу на свои ноги. В поле зрения попадают моя непонятного в этом свете цвета рубашка-поло, которую я ношу почти что бессменно уже какой месяц, и рваные джинсы — эдакий творческий подарок от кое-кого. Под рубашкой, на голой груди, висит амулетик, тоже подарок, но только уже от родителей, и ношу я его уже лет так десять не снимая. Сожми его в трудную минуту, говорили мне они, и ты почувствуешь прилив сил. Я так и делал: когда занимался, когда заканчивал школу, когда...

— Не спишь?

Поднимаю взор. На малой дистанции от моего лица предстало лицо моей подруги. Сегодня оно, как всегда, с максимальным количеством макияжа, но не простого, а такого, творческого. Это по её вине обычные джинсы превратились в переносной арт-проект, в который сейчас вдеты мои ноги. По её вине я стал барабанщиком. По её вине моё сердце иногда бьётся нервно при виде её лица.

Она улыбается. При такой её широкой улыбке, её глаза цвета янтаря сияют самоцветами власти. Она выражена как настоящий панк, а на плечах медалью висит гитара, и не абы какая, а целый чёрный Ибанез серии RG. Для неё он почти как младший брат, которого волей-неволей, а всё равно хочешь иметь, несмотря на то, что его существование принесёт в твою жизнь. В её руках он почти что орудие казни. При её нраве можно удивиться, как он дожил до сегодняшнего дня. По возрасту ему уже положено ходить и что-то вякать, будь бы он ребёнком.

— Не спи! — говорит она, и смеётся. Не могу не улыбнуться в ответ.

Она отходит. В своих обтягивающих светлых джинсах Cheap Monday и безымянной, возможно самодельной, мешковатой футболке, одетой поверх длиннорукавки Carhartt WIP — по сути единственного предмета одежды, что был надет по размеру, — она выглядела особо привлекательной. И моё тело дало об этом знать переливом крови в пах. Надеюсь моя глупая полуэрекция не мешает мне.

Я поворачиваюсь обратно вперёд. Передо мной — небольшая барабанная установка. Малый барабан посередине, малый том спереди, большой том сбоку справа. Малые тарелки слева, два крэша, чайна и райд. Одна бас-бочка с карданом. Повидавший всё пластик малого барабана смотрит на меня своими смутными вкраплениями от постоянных римшотов. Мутное отражение меня смотрит с прозрачного пластика тенор-тома. Как-никак мы претендуем на звание первой грайндкор группы нашего уютного тупикового городка. Надо соответствовать образу. И гитаристка ему полностью соответствует, а я — не особо.

Вглядываясь в отражение, вспоминаю с чего начался этот поздний вечер. С их удивления, оттого что я побрился, отрезал себе мои длинные до плеч локоны волос, уложив их в более-менее приличную причёску, и оделся как человек. Они всегда видели меня с этой щетиной не по возрасту, с этими сальными, неухоженными волосами, в этом прикиде, — и в итоге из меня выходил карикатурный панк, какие были только в шестидесятых-семидесятых, и то их раз-два и обчёлся.

Краем взгляда замечаю ещё одну пару глаз, справа. Гляжу в ответ.

Справа стоит басист. По внешнему образу он наравне с гитаристкой, одет в безрукавку и широкие джинсы. К тому же несколько спортивен, что видно по выступающей мускулатуре и этому хищному взгляду, что присущ только тем, кто занимается спортом. В иной группе, он бы сидел за барабанами, а я, со своим худым телом и невзрачным взглядом, что вечно скрывается за тёмным пластиком очков, стоял бы и наяривал толстые струны бас-гитары.

Не знаю, почему он на меня так смотрит. Наверное, он припомнил мне что-то. Или пытается выглядеть как можно мягче, но не выходит. Или хочет что-то сказать. В любом случае, взгляд этот не беспричинный. Он имеет свою цель, свой *raison d'être*, однако ни я, ни он, их не знает. Остаётся лишь тупо смотреть в надежде вспомнить их, или отвернуться, дабы не позорить себя дальше. Через пару секунд он именно так и сделал, оставив меня лишь с этим отпечатком сумбура, будто он не смотрел, а укусил меня своими клыками, полностью приняв своё животное начало.

Гляжу на часы вновь. 21:28. Не прошло и минуты, как час невозврата приблизился ещё ближе. В такие моменты я привык ощущать некоторый тремор. Сейчас его нет, и из-за этой пустоты чувств особенно... гнусно, что ли. Не знаю. Не могу сказать, что именно чувствую по этому отсутствию чувств. Вроде бы должно быть гнусно, но если эта гнусность и есть, то такая незначительная, что попытка её заметить бессмысленна.

Поднимаю взор на всё то, что стоит перед сценой. А перед сценой — открытая площадка, любезно нам предоставленная владельцами этого заведения. Все столы и стулья переместились к стене справа, чу-чуть не достигая картин. За окном в стене слева ещё маячат проблески солнца. Когда мы стояли полчаса ранее, горящее небо, с падающим к западу солнцем и темнеющим облакам, было особенно ностальгическим. Этот его оттенок был огнём костра первой вылазки за город, был кожурой новогоднего мандарина, был нелепым свитером на свидании и лампой накаливания за момент до погружения в ночь умами и телами. Даже рыться по задворкам сознания не нужно — просто взгляни наверх, а небо всё вспомнит.

Но я отступился. Итак, открытая площадка заведения. Она, по идее, вмещает в себя около двухсот, двухсот пятидесяти зевак — это взяв в расчёт мошпиты. Однако таких чисел бар не видел издавна, и это заметно. Гомон, стоящий со стороны толпы, проникал в каждый нейрон моего мозга и спускался вибрациями по позвоночнику, отдаваясь в каждом позвонке особым звучанием. Они заинтересованы, не заметно чтобы кто-то втыкал в телефоне. Барная стойка пуста, и в толпе заметны некоторые с бутылками в руках. Они отстранились от толпы, предпочитая взглянуть на предстоящее как на футбольный матч — в душе болея за нас, втягивать сладость пива и кивать головой в такт.

21:29. Накал предельный. Сердце бьётся сильнее. Мысли отступают, отдавая контроль мышцам и рефлексам. Руки взяли потрёпанные палочки — лишь бы они не сломались посреди концерта... Всё хорошо. Ты справишься. Наступил тот момент, которого мы все так желали. Который нельзя пропустить. Который впишет нас в историю этого города.

Включаются усилители. По залу проносится вой гитары. От воя просыпается толпа, обдавая нас возгласами радости. Гитаристка смотрит на басиста. Затем они смотрят на меня. Мы киваем друг другу. Они готовы. Мы готовы. Я готов.

21:30.

Я делаю глубокий вдох...

...и выдыхаю сигаретный дым. Прошедшие полчаса, отведённые нам для нашего концерта, в который мы уместили около двадцати песен, увязли в поту, возгласах толпы, постоянных ударах, гитарном вое и свете ярких ламп. Одежда ко мне прилипла и, наверное, будет сидеть со слоем страха, выделенного потом.

Буквально минутой ранее мы стояли втроём в одном широком объятии. Гитаристка не могла сдерживать напор эмоций, а басист наконец-то улыбнулся, и оттенок тепла его улыбки

делало её особенной, можно сказать — отцовской. Все инструменты за десять минут уложились в старых Ford F-150 басиста на безвременное хранение, и из багажа высматривало обрамляющее кольцо большого тома.

Концерт прошёл замечательно. Все до последнего проданные билеты, по возгласам толпы, были оправданы, а собранная нами небольшая партия мерча, — пятьдесят самопальных дисков и штук пятнадцать футболок, — ушла, почти вся, почти мгновенно, несмотря на кусающийся ценник, оставив лишь несколько футболок и пару дисков. Одну футболку и диск мы, как подарок, отдали владельцу заведения, а оставшееся поделили меж собой и забрали.

А сейчас мы стоим каждый по отдельности. Я курю, гитаристка пьёт охлаждённую соду, а басист просто наслаждается вечером, что ещё ближе стал к ночи. На небе почти что не осталось признаков света, всё заполонил вечный, простирающийся вдаль космос. Он зовёт ко сну, но мы знаем, что сегодня не уснём. Если не запредельная усталость, так отсветы ламп, гул и гомон, будут держать нас в оцепенении, заставляя лишь лишний раз вздохнуть.

Я слышу особенно громкий выдох. Это наш басист так спускает давление в теле.

— Ну... — говорит он. — Пойду я.

Гитаристка улыбается и оставляет ему поцелуйчик в щёчку на прощание. Она знает, что завтра утром он будет, точно будет. Я же лишь крепкожимаю ему руку. Настолько крепко, насколько может моё тело выдать силы. Он понимает это, и прощается не словом, а улыбкой, вновь той самой отцовской улыбкой. Отпустив мою руку, он садится внутрь своего форда, заводит рьяный двигатель и уезжает вдаль. Мы лишь стоим и наблюдаем.

Вскоре от рокота двигателя остаётся лишь воспоминание. Я гляжу на ночное небо. Конец августа. Пора начинаний, порывов, окончилась. Следующие полгода мне предстоит смиренно пройти, приняв факт своих действий. Только так я могу осведомиться, что всё пройдёт нормально. Ради предстоящих нескольких лет, по сути моей «новой игры плюс», мне пришлось чуть ли не разобрать и пересобрать себя как конструктор LEGO. Однако это стоит того.

Конечно же мне не хочется расставаться с этим небом. С этим видом на город, застывший в вечной субурбии. С этими парками. Вылазками на природу. Людьми. Чувствами. Воспоминаниями. Однако тот, кто вечно романтизировал всё это, кто никогда не думал, что что-то поменяется в жизни, что что-то ему поможет, уже давно исчез. И для нового меня, прощание этих всех красот — наименьшее из доступных деяний.

В моменте мысли я замечаю, что сигареты в моём рту нет. Я моргаю пару раз, дабы вернуть себя в реальность, и гляжу на гитаристку. Она так смешно затягивается порой, как будто личинка пытается изо всех сил присосаться к тёплому телу. Мимо нас проходит тепловатый ветер, который хочет согнать нас с улиц домой.

— Эй, — говорю.

— Что? — отвечает, ехидно улыбаясь. — У меня своих не осталось. Жалко, что ли?

— Немного. — Сигарета, которой она упивалась, тоже была моя последняя. Причём не только в смысле количества.

Она делает длинную затяжку и, внезапно, оплёскивает меня дымом. Откашливаясь от этого прелестного яда, я слышу, как она хихикает надо мной.

— Очень смешно... — отвечаю, пытаюсь сделать вид, что мне действительно неприятно, но улыбка проступает сама собой.

Наступает тишина. Лишь слышна её очередная затяжка, короткая, с желанием сохранить этот яд на подольше. Я никуда не тороплюсь, и она тоже, и посему мы стоим у дверей закрытого заведения. Я отклеиваю от своего потного тела свою футболку-поло и гляжу на часы: 22:15. Если я и лягу спать, то только ближе к полуночи, и то это не факт, а так, теория.

Она докуривает свою сигарету, отщёлкивает фильтр на пустую вечернюю дорогу и... просто замирает, глядя на него. На это маленькое оранжевое нечто с её ДНК, лежащее на асфальте.

Её профиль в данный момент, такой спокойный, освещённый сверху неприятным, почти что враждебным светом уличной лампы, очень пронзителен для моей души.

— Иногда я нахожу себя на мысли, что у нас в городе как будто нет машин.

— Да... — Я вздохнул. — Только начинается вечереть, как вдруг все машины просто испаряются.

— Ну, — поворачивается ко мне с улыбкой, — для меня это лишь ещё один плюс нашего захолустного городишки.

Я улыбаюсь в ответ и киваю. Отвернув взгляды, мы постояли ещё пару секунд в тишине. Просто стояли, глаза наши глядели куда-то в никуда, переходя от точки к точке. Вот так, наверное, и живёт человек — от точки к точке. От чекпоинта к чекпоинту. Однако функции возврата на чекпоинт не предусмотрено.

И только сейчас я вспомнил что хотел занести ключи кое-куда.

Я поворачиваюсь к гитаристке. Её этот спокойный профиль на секунду отвлёк меня, будто мне не стоило бы сейчас её отвлекать от этой ночи. И всё же, несмотря на способность меня нечаянно очаровывать, она легка на улыбку.

— Пройдёмся?

Она поворачивается ко мне, улыбается и кивает.

Из немногочисленных достопримечательностей нашего городка можно отметить действительно выдающимися лишь три вещи: «плачущий» парк, в котором никогда не кончается дождь, неработающая гаубица и пара магазинчиков комиксов, один из которых был подожжён, а второй доживает свои последние дни. То ли дети выросли, то ли просто интерес исчез... Не знаю. Это было лишь поводом считать дни на календаре как до казни — когда же магазинчику станет совсем плохо и он канет в лету, как и всё остальное здесь. Не то чтобы я желал ему смерти, но всё же.

Я каждый угол того магазинчика знаю, ибо уже с пятнадцати я в нём работал за прилавком, и несмотря на возраст, меня приняли туда без лишних вопросов. Обе стороны заинтересованы, что ещё сказать. И пятнадцатилетний я был, по сути, в раю, раю этих глянцевого журналов обо всём что в голову взбредёт. Я и раньше там был, и пока все продолжали читать супергеройские истории, одна хуже другой, я приспособливал себя к культуре восточной. В те времена манга была неким реликтом прошлой эпохи, а для девятилетнего оказались просто теми же комиксами, просто перевёрнутыми. А стать частью этого заведения, получать зарплату, охранять оплот моего детства, это было сродни привилегии, о которой могли мечтать лишь, не знаю, дети графа Викторианской эры.

И сколько же времени прошло... А от девятилетнего меня осталось почти что ничего. Лишь этот магазинчик, давно уже переставший быть вечной «точкой интереса» на карте в голове любого подростка. Хотя даже сейчас, подходя к магазину, я не могу не заметить трепетание сердца. Каждый день, встав перед его закрытой дверью, я стоял с минуту и бессмысленно пытался уговорить его. Эта реакция была привита мне, и это трепетание я ни разу не испытывал где-либо ещё за столько лет жизни, ни разу не проявил. Этот трепет — настоящий, а не то, что я навязал себе, играя в группе на школьной сцене, перед сотнями тупых голов, которым лучше было бы быть не здесь, а дома, в объятии собственного одиночества.

Но время идёт, и его марш даёт о себе знать. Несмотря на регулярные обновления ассортимента, несмотря на распродажи, льготы, трейд-ин и прочую лабуду, этот магазинчик терял и терял клиентуру, терял и терял. Этот год для него, можно сказать, решающий. В марте они заявили, что ввиду отсутствия интереса, «маленький клуб маленьких любителей маленьких комиксов маленького городка» прекращает своё существование. То, что он и так простоял чуть ли не со дня зачатия этого места, в этом-то городе, уже сродни чудом.

И вот, мы пришли. Гитаристка тоже в трепете, как я вижу по её янтарным глазам. Так, пытаюсь уговорить свои сердца, мы стояли, как две статуи, перед магазинчиком. Первым двинулся я, вытаскивая ключ из кармана. Щелчки замка в этой тишине куда громче, чем нужно. Будто не механизм приводится в действие, а кто-то стреляет из винтовки. Мы входим украдкой в темноту, закрываем за собой дверь — всё равно нас никто не увидел. Тут уже в дело вступает память, и я захожу за стойку и включаю свет.

Лампы рассекают тьму за долю секунды, открывая вид на ассортимент, и со светом приходит вся остальная жизнь. Первое, что мы замечаем, так это этот особый запах глянца. Типографские запахи по своей натуре особенные — это долг каждого читателя по приобретении новой книжки открыть её, хрустнув корой книги, и вдохнуть этот запах чернил. Запах журналов почти что не отличить от запаха книги, эта разница въедается со временем в кору мозга. Этот аромат невероятнейших историй за маленькую сумму, хранящихся в детстве уже бог знает сколько лет.

Гитаристка, вставшая как вкопанная, наконец-то очнулась и двинулась вперёд, медленно, считая шаги, — только так можно двигаться по этому заведению. Она оглядывается по сторонам, но как будто знает, куда ей идти, и вскоре она достигает нужного уголка своего детства. Её рука витает над комиксами, и берёт один из них. Мой же комикс, «Watchmen», прочитанный мной взахлёб, лежит неподалёку, я знаю его точное место, однако тянуться до него не особо хочу. Он вышел тогда, когда мой отец ещё учился, не зная, что найдёт женщину, кто станет его женой, а затем и моей матерью, родив несостоявшегося рокера. Столько лет уткло, но я знаю, что он здесь.

На стеклянном прилавке, в заключении которого была всякая периферия по комиксам, лежал «Phantom Lady» — отголосок Золотой эры комиксопечатанья, вышедший из-под ногтей станков давно свет почившей «Farrell Publications». Что странно — из всех тех комиксов, что были здесь, на этой стороне прилавка, только этот я не помнил абсолютно. Но это, как я считаю, некий бонус — помогает ощутить комикс по-новому. Хотя ничего особенного от его прочтения я не испытал — комикс как комикс, супергеройский, идущий рука об руку с архетипом «хорошей девочки».

Часики тикают. Я и гитаристка — единственные посетители. Окна закрыты ставнями. Никто не знает, что мы здесь. Возможностей куча, однако ни одна из них не привлекает меня, что довольно странно, особенно для такого, как я.

— У меня, по-моему, валяется несколько комиксов дома, — говорит вдруг гитаристка.

— Может вернёшь? — спросил я.

Она взглянула на меня с удивлением.

— Ну... давай. Сейчас, десять минут.

Убежала, оставив за собой лишь звон колокольчиков на двери. Я падаю на стул, чья жёсткость отдаётся болью в заднице, и вздыхаю. Как бы кто случайно не набрёл сюда, в мой последний день. Я беру «Phantom Lady» и начинаю вчитываться. Для нас, кто заслужил возможность сидеть на этом стороне прилавка, был дан небольшой ящичек с комиксами, которые мы имели право листать — это были журналы, которые по той или иной причине не могут быть выставлены на продажу. Большинство из них было уже мною прочитано в детстве. Однако надо было просто убить время. Как и сейчас.

Одна вещь, что отличала меня от других продавцов, заходивших на службу в мои выходные, так это моя неспособность запоминать лица. Все они мелькали мимо, — кто просто глядел что в ассортименте, кто почитывал, кто покупал, — они оставались лишь в форме расплывчатых штампов, из которых можно собрать Франкенштейна. Я запоминал приметы: он, например, носит вечные тёмно-красные трико, а она, например, всегда с повязанной головой.

Среди всех них была моя одноклассница, боже храни её душу. Иллюзорная девица моего прошлого, с именем, что погибло вместе с ней. Благодаря южному климату, здесь никогда не

бывает прям зимы — иногда приходят холода, однако разница между пятнадцатью и двадцатью пятью градусами по цельсию заметна не особо. И потому я запомнил её такой: светлое летнее платье, которое даже по взгляду лёгкое, длинные чёрные, цвета угля, волосы до лопаток, нежная кожа и мягкие черты лица. Будто она не человек, а кукла.

Она для меня была ходящей звездой, носителем света в любую тьму и непогоду. Последний раз я её видел, мне было как месяц восемнадцать. В своём неизменном платье, с вечным светом в глазах, она подошла к прилавку, протянула комикс, «Vampirella». Никто из нашей группы кассиров такое не читал. Я просканировал бар-код, сказал сумму, она протянула большую банкноту, я открыл аппарата, вложил эту банкноту, затем вытащил другие и положил обратно в её руку. На прощание она лишь улыбнулась.

А затем, буквально через пару дней, приходит мать этой девушки, возвращает комиксы и говорит, что её больше с нами нет. Услышав это, я почти что встал в ступор, как олень, попавший в горящие объективы надвигающегося авто. Это не было бы большим шоком, если бы не тот факт, что она активно следила за мной и за группой. Она была всегда рядом, эта девушка в платье, всегда наблюдала. Говорила, что мне полагается место в истории нашего города. Между нами что-то даже было, такое, мимолётное.

Мать её не уточнила, что именно за смерть была, от своих ли рук или от рук иных. Меня это даже не волновало. Волновал факт её смерти. Она же никогда не казалась слабой. Она всегда находила выход. Она всегда поддерживала. Отчего же мир решил избавиться от неё? Загадка. Вероятно, это мне урок.

Дни после той новости текли особенно медленно. Работа, давно ставшая рутинной, стала мне ещё более ненавистна, и я ни с кем не хотел общаться. Вроде бы я знал её не так уж и сильно, — часто я попросту забывал её имя, — но всё равно было больно. Как будто потерял родную кошечку. Да блин, о чём говорить, — как говорила мне гитаристка, смерть её кошечки породы *хауси* парой месяцев ранее не было настолько же больным, как смерть той девы в платье. А мы эту кошечку любили, а про девицу даже нормального предложения дабы описать её не составили бы.

Вероятно, истина куда проще — человек может поддержать, а животное нет. Человек может сказать, что нужно и обнять в трудную минуту, закрепив свою речь, а животное максимум мяукнуть или гавкнуть, да к груди прильнуть, что лишь повод для умиления хозяина и иже с ним. Поэтому одна трагедия хуже другой. Да ещё вопрос в личностных отношениях — я же не могу знать, в каких отношениях состояли гитаристка и эта дева в лёгком платье.

Моё состояние продлилось примерно месяц. В этот месяц случился Хэллоуин и потеря девственности с гитаристкой, наверняка связав нас двоих вместе. Это было... странно, для меня и для неё, как будто неуместно, однако мы поняли, что он нам понравился. Плюс я увидел пару кошмаров, что для меня редкость, и они надолго отпечатались в мозгу. Ближе к концу осени это состояние ступора меня наконец-то отпустило.

В последний раз о деве в платье я слышал лишь на следующий год, после каникул. Это не было приятно слышать. Я тогда сидел за своей партой в классе, ждал начала урока, пытался не вслушиваться в разговоры, а думать о своей группе. Однако любопытство меня одолело, и я включился в гомон, моё сознание поспешило поделить его на составные части, на отдельные разговоры.

Они все были об одном и том же — о деве в платье. И они далеко не были лестными. Кто-то говорил о случившемся как о шутке про утопленников. Кто-то сообщал о возможном отсутствии отца в семье той девы. Кто-то о вероятной причине произошедшего в лице провальных отношений. И долгое время после звонка и долгожданного начала урока я не мог понять: это всё, что заслуживает человек после гибели? Эти нелестные разговоры сверстников, не понимающих, как это на самом деле тяжело?

Прерывая мои мысли о прошлом, дверь в магазин вновь открывается. Это гитаристка, запыхавшись, добежала обратно. Как она и говорила, прошло десять минут. Её руки держат комиксы. Она проходит через всё помещение ко мне и кладёт стопку на прилавок. Ещё немного силы, и наверное стекло прилавка не выдержало.

— Всё...! — говорит, жадно вдыхая воздух. — Я каждый уголок обыскала.

— Молодец, — отвечаю.

Я просто беру комиксы и кладу их на полку в подсобке. Пускай они разберутся куда их класть.

— Я пойду покурю... — говорит гитаристка, двигаясь по направлению к выходу.

— Теперь у тебя есть сигареты, да? — спрашиваю.

Она лишь улыбается в ответ и исчезает за дверью.

Я поднимаюсь со стула, выхожу из-за прилавка и оглядываю помещение прощальным взглядом. Пять лет подработок. Деньги, на которые я купил себе старую установку и обновил её. Люди, которые с радостными улыбками приходили, чтобы купить новый комикс. Я даже и не знаю, что лучше. Рука щёлкает выключатель, гаснет свет. Я выхожу на улицу и закрываю за собой дверь, оставив ключ в тайном уголке.

Как она и говорила, гитаристка стоит рядом со входом и дымит как паровоз. Судя по расслабленному профилю, она вошла в состояние кайфа. Я тянусь к сигарете и выхватываю её. Она открывает глаза лишь когда понимает, что в пальцах ничего нет, а губы пытаются соснуть лишь воздуха.

— Эй, — говорит, оглянувшись.

— Что? Жалко, что ли? — повторяю, улыбаясь.

Она стонет недовольно, лезет в карман за ещё одной сигаретой и закуривает. Так мы и стоим, по обе стороны входа в магазин комиксов, курим сигареты. Я делаю всё возможное, чтобы завершить перекур вместе с ней, однако моя сигарета всё же кончается быстрее, и мне приходится отщёлкивать фильтр на проезжую часть.

— Куда теперь? — спрашивает, отщёлкивая свой фильтр.

Можно пойти прямо домой, к ней или ко мне, без разницы.

— А куда бы ты хотела пойти? — спрашиваю в ответ.

Она молчит, её лицо принимает какой-то особый оттенок сумбура.

— Давай в парк.

— Пошли.

«Плачущий» парк называется так по очень простой причине — там либо идёт дождь, либо кто-то плачет. Это название не новое, оно уходит в глубины локальной истории, которая ни мне, ни гитаристке, не интересна. Вероятно, это место имеет какую-то особую энергетику, как сказала бы моя мать, или она просто настолько живописна, как отметил бы мой отец. Однако для нового поколения этот «плачущий» парк, в принципе, просто является парком.

На часах: 22:47. До полуночи чуть больше часа. Мы в парке одни.

Гитаристка находит нам обоим наилучшее место в парке — скамью, что смотрит столетний фонтан. Фонари здесь работают тускло, вероятно, так захотела администрация. Мусорки пустые. Деревья над головами раскрыты полностью, заслоняя собой космос, оберегая нас от него. Гуляющий ветер холодно ласкает наши шеи, немного развеивает длинные волосы гитаристки, так похожие на волосы той девы, разница лишь в пигменте — у гитаристки яркий блонд.

Мы смотрим на фонтан. В приближающийся ночи он становится объектом из хоррор-игры, что-то в духе первых Resident Evil. Будто нам нужно подойти к нему и решить загадку, связанную с ним: на что-то нажать или вставить, или даже вытащить и вставить в другом месте. Гитаристка никогда не была сильна в решении головоломок, и каждый раз мне

приходилось решать их за неё. Про басиста молчу, он никогда не играл в игры, лишь спортом занимался.

Дно в нём устелено монетами, давным-давно потерявшими свой бронзовый блеск, превратившись в новый, окисленный, вид прекрасного. Камень сух и стал домом для некоторого скопления мха, а малая статуя наверху имеет особо унылый вид. Он давно не видел воды, уже как лет пять, наверное. Администрация обещала вернуть подачу воды, но это обещание такое же пятилетнее. И на мой взгляд, этому фонтану лучше не оживать. Пускай он стоит постаментом утекшей жизни.

Тут-то мы обычно и проводили свои встречи, я с гитаристкой и басистом. Это было особой частью наших жизней. Мы смеялись, поддерживали друг друга, распивали соду и ели пиццу из близлежащей пиццерии. Жизнь тогда была прекрасна, и для нас название «плачущего» парка не играло роли. Это название парку дал какой-нибудь депрессивный поэт, что не смог совладать со своей невозможностью писать поэзию и поставил точку уже на своей жизни, думали мы. Однако не так давно название «плачущего парка» было оправдано.

Каждый год наш город сливает все силы в одну точку, в центр, в этот парк, для проведения «фестиваля». Название это чисто номенклатурное, ибо фестивалем это назвать очень и очень трудно. Фестиваль в моём представлении — это несколько дней непрерывного веселья, которое можно делить с огромной толпой. Здесь же наш ежегодный «фестиваль» — это больше попытка в жизнь. Как дед, которого хоронишь в мыслях каждый год, а он возвращается, ещё живой, и как будто ещё лет десять проживёт.

Так вот. Для нашей группы, что собралась в последний учебный год, предстоящий фестиваль был, по сути, эдаким билетом в «большую лигу». Запись на нём соберёт некоторое количество просмотров, а оттуда уже можно развиваться дальше. Дряхлый, но фундамент, думали мы. И какое же счастье мы испытали, когда администрация, организовавшая этот каждый раз кажущийся последним бросок жизни этого тупикового городка, заметила наши старания, вылитые в пятитрековом демо на Bandcamp задаром.

Всю зиму мы усердно готовились. Каждый день репетиции. Каждая неделя — новая песня. Для нас, дылд без будущего, это было почти что последним шансом стать людьми, возыметь некоторое уважение в глазах наших родителей, смилившихся с тем, что ни блестящей карьеры, ни внуков, они не увидят. Нас пёрло изо всех сил, мы неслись через творческий процесс как паровоз, у которого отказали тормоза.

А потом, под самый конец февраля, вся движуха сошла на нет. Мать гитаристки попала в аварию и была срочно госпитализирована. Шансы на выживание были крайне малы.

Стоило только взглянуть на неё, лежащую у кровати в белой палате, как любой намёк на настроение падает, пробивает этажи больницы, фундамент, кору, магму, и продолжит лететь вниз с каждой минутой пребывания рядом. Эти изменения нельзя было не увидеть. Я наблюдал, как серела гитаристка. Замечал, как, непохожий на себя, нервничал гитарист. Отмечал ненависть к этому миру внутри себя.

Будь бы я на суде перед любой всевышней силой, правящей этим миром, я бы поставил ему/ей простой вопрос: почему ради счастья одного, кто-то другой должен страдать? Так ведь не должно быть. Этого я не понимал больше всего. Я до конца верил, что всё достигается простыми усилиями, будь то ментальными, физическими или духовными. Страдания — это остаток, оправдывающий наступающее счастье, но никак не причина. Не может быть так, что ты пребываешь в эйфории, а кто-то другой вопрошает, будут ли его помнить.

Перед мной стоял выбор из трёх путей, каждый из которых для меня был камнем, что мне придётся долго тащить на своих плечах. Либо я забиваю болт на боль гитаристки и вызволяю её на фестиваль, либо в срочном порядке ищу замену и обучаю её всем тонкостям, либо отзываю участие группы.

Если я проведу предстоящий концерт, то выполню общую цель — дам фундамент, на котором можно строить свою группу дальше. Однако я не знаю, что будет с гитаристкой в моменте и после него, но точно уверен, что её смерть я себе просто не прощу.

Если я покину фестиваль, то я дам то пространство, в котором нуждается гитаристка, и смогу быть рядом. Однако последуют вопросы, на которые я не мог и не хотел отвечать, и возгласы, на которые мне было попросту плевать.

Если я найду гитаристке замену, то убью двух птиц одним камнем — дам фундамент группе и пространство гитаристке. Однако я не смогу быть с ней рядом и... просто не могу вот так вот заменить её. Заменить гитаристку для меня было равно подлости. А плач в пустоту никогда хорошим не заканчивался.

Я свой выбор сделал.

Тем дождливым вечером, она явно испугалась, увидев меня на пороге своего дома, это было видно по её широким, покрасневшимся от плача глазам. Секундой позже она пропустила меня внутрь, отметив мою промокшую до ниток одежду. Я разулся и в ванной воспользовался её феном, чтобы высушить голову, а она протянула мне что-то, что мне может быть по размеру. Я не стал спрашивать, была ли это одежда её матери. Она же всегда любила выглядеть чу-чуть по-мальчишески.

Когда я вышел из ванной, она стояла на кухне, ставила чайник греться. Видимо, он был погрет совсем недавно, ибо вскипел подозрительно быстро. Затем, с кружками чая и чем можно похрустеть, мы сели на диван. Пустой телевизор горел чернотой, не показывая привычные новости или фильмы. На кофейном столике ничего не стояло. Когда я выпил свой чай, она спросила, не хочу ли я ещё, и я ответил отрицательно, потому что хотел, чтобы она сидела здесь и никуда не уходила ни по каким причинам.

Разговор некоторое время не клеился, и на секунду мне показалось, что моя затея очень и очень глупая. Но скованность прошла, и мы начали разговаривать. Разговор был небольшим, и касался её и только её. Точнее, той версии её, которая появилась после госпитализации её матери. Я задавал типичные вопросы в стиле «как ты себя чувствуешь?», а она отвечала типичными для неё ответами. Я надеялся, что она сама дойдёт до нужной нам темы. И в итоге дошла. Дошла со слезами.

Я сразу взял её в свои объятия и очень долго не отпускал. Она плакала и плакала, выливая свои слёзы на мою футболку. Вся грудь промокла её солёным плачем. А я не отпускал. Только десять минут спустя, когда она выплакала всё, что было, я её отпустил. И она спросила меня, что я здесь делаю. А я и ответил. И она начала плакать вновь. Я видел много плачущих женщин, и некоторые плакали по моей вине, но девичий плач вечно оставался удивляющим и ужасающим в равной степени зрелищем.

Мне было плевать на репутацию нашей группы. Мне важны были те, кто в этой группе был. Важны были те, кто делал со мной эту музыку. Пускай я ничего не изменил, а, возможно, сделал хуже, для себя я считаю это победой. Потому что она, в конце, улыбнулась мне. И моему сердцу стало так тепло...

Я был единственным приглашённым на похороны её матери. То был необычно пасмурный день. Басист тогда отнекивался от любой смерти, от любого мрака, как мог. Не то чтобы он был гедонистом, и не то чтобы он был лицемером. Это был его особенный вид заботы о нас — дать нам погрузиться самостоятельно. Он поддержит нас в трудную минуту, однако, как говорится, лучшая поддержка — это просто не мешать.

Тогда же, когда гроб исчез под грудой свежей земли, а от человека осталось лишь надгробие с вырезанными именем-фамилией и датами рождения с датой смерти, да букет цветов, что скоро сольётся с землёй, она вдруг взяла меня за руку. Сильно-сильно. Она очень сильно не любила любое проявление романтики или, не дай бог, любви. Для неё резкий переход от смеха над шуткой до потного тела в мягкой постели был стандартом, а поцелуй или хотя бы взяться

за руки — ни в коем случае. Поэтому я не знаю, что на неё нашло. Вероятно, именно в этот момент, её идеальная, по-юношески максимальная, система не могла работать, а поцелуй перед свежим надгробием — такая себе затея. И единственным бесшумным проявлением своей благодарности для неё стало взять меня за руку. А я ей не смог сказать, как сильно моё слепое сердечко забилося в тот момент. Умолчал. Оставил секретом, что помрёт вместе со мной.

Из пучины тёмных воспоминаний меня вытаскивает неожиданное чувство прикосновения. Глаза мои тупо уставились на верхушку сухого фонтана, а к руке кто-то прикоснулся. Я взглянул на гитаристку, затем медленно провожу взгляд до низа и замечаю, что её рука лежит на моей. Просто лежит, даже не связала свои пальцы с моими. Только сейчас замечаю, насколько её рука лёгкая и нежная. Удивительно, что такие нежные руки могут выдавать такие жёсткие, крушащие риффы.

Я вновь взглянул на гитаристку. Её профиль скрывается за волосами. Мне и не нужно его видеть, я знаю, что там, за волосами — тоскливый взгляд, упирающийся в никуда, и еле трясущийся край её тонких, тёплых губ. Вдруг, она поворачивается ко мне, и её янтарные глаза сияют ярче, чем когда-либо.

— Слушай... — говорит тихо, как будто мы преступники, готовящиеся к предстоящему преступлению. — А давай к тебе пойдём, а?

— Чувствуешь себя одинокой? — спрашиваю.

Она стыдливо отворачивается и слегка кивает. Я не могу не улыбнуться. Мои руки аккуратно обхватывают её хрупкое тельце в неловком объятии. Будто трясущиеся, слабые руки, касаются прекрасного, хрустального цветка.

— Эх ты, моя одинокая...

Она кошечкой закрывается в моём объятии, пытаюсь вжаться в моё тело как можно сильнее. Не являет своего прекрасного лица, скрывает его за моим взором, а нежные руки как могут обжимают моё тело, что лишь чуть больше её. Особой разницы между нами нет — от перемены мест слагаемых сумма наша не меняется. Однако в такие моменты, как здесь и сейчас, я полностью понимаю, какие же мы всё же разные. И не остаётся ничего, кроме как благодарить судьбу за подаренный шанс.

На часах: 23:00. Неудивительно, что мы провели в парке так много времени. Почти все эти минуты мы просто сидели и вспоминали прошлое.

Мы шли по тротуару ко мне домой. Её рука всё время не отпускала мою и как-то тянула меня за собой, будто это не я иду к себе домой, а она ведёт меня ко мне домой. Как будто ей хочется там быть. Вероятно, у неё что-то на уме, а что именно — я не знаю. И знать не хочу. Никогда её не понимал, и понимать не начну.

Свет в районах субурбии был куда ярче, чем в остальном городе. Сами лампы были очень яркими, как прожекторы на сцене, так ещё и некоторые дома светились своими незакрытыми окнами, несмотря на поздний час. Всё же, кому-то в этот час не спится, и это понятно. Август — такой месяц. Его хочется удержать, либо хотя бы запомнить как можно лучше, прежде чем начнётся скучная, стыдливая, плачущая осень.

Вскоре, мы прибыли к моему семейному дому. Стандартный для субурбии двухэтажный дом в пастельных тонах, с маленьким садиком, въездом для авто и небольшим задним двориком, который в моём случае просто пустует с моего детства. Она наконец-то отпускает мою руку, и ладонь немного ноет, освобождённая от жёстких оков. Решительность, не иначе.

Она медленно следует за мной, а я тихо крадусь ко входу. Родители уже давно легли спать, и я уже большой мальчик, чтобы задерживаться допоздна, но всё же. Я подхожу ко входной двери, вытаскиваю ключ и аккуратно, слушая каждый щелчок шпилек внутри этого аккуратного механизма, вставляю его. Затем, поворачиваю, пытаюсь сделать так, чтобы он не шумел так сильно, но это не особо получается. Щелчки замка на фоне вечного тиннитуса в поздний

час — самый громкий звук. На секунду даже показалось, что я разбудил своих родителей, но нет. Обошлось.

Мы заходим внутрь. В сумраке предстаёт стандартная кухня справа и гостиная спереди, с лестницей на второй этаж слева. Ковровый пол, диван, большой телик, картины, какие-то реликвии, до которых моего взгляда не хватает — в общем, дом как дом, с интерьером как где-либо ещё, разница лишь в мелочах. Темно как в подвале, но время позволяет пройти в этой слепоте до лестницы, не задев углы. Медленно, будто считая шаги, мы поднимаемся наверх, на второй этаж, и, наконец, достигаем моей комнаты.

Человека можно описать по его комнате. В случае с басистом, это очень понятно — вся его комната похожа на маленький тренажёрный зал, от гантелей и беговой дорожки до расцветки потолка и стен. А в моём случае комната живёт отдельно. Постеры где только можно, даже на потолке, барабанные палочки, стол завален бумагой, маленький телик с древней приставкой, полки, набитые хламом, — и беспредельный бардак. Здесь точно живёт панк, но уж точно не я. Не парень в рубашке-поло и рваных джинсах.

— Уютно... — говорит гитаристка. Только сейчас вспомнил, что она, как бы, шла за мной по пятам. А ещё вспомнил, что она ни разу не была в моей комнате.

Я лишь неуверенно угукнул. Для меня её осмотр моей комнаты был сродни стоять голышом напоказ, если честно. Вероятно, это чувство испытывает каждый. Всё же, мы впускаем чужого человека в нашу обитель, туда, куда даже родители не суются лишний раз. Причём по собственной воле впускаем. Отдаёмся целиком и полностью его суждениям. Так что меня радует, что для неё бардак это норма. Значит, её комната выглядит примерно также. Как и комнаты любых других музыкантов, кроме исключений в лице нашего басиста.

Она садится на кровать, и на секунду её лицо принимает образ удивления.

— Какая мягкая, — говорит. — Я сплю почти что на досках. — Она улыбается, глядя на меня. — Иронично даже.

Я улыбаюсь в ответ и сажусь рядом. Мы сидим, просто осматриваем комнату, закрепляем её вид в своём сознании. Мой взгляд в конце устремляется к приоткрытому окну, выглядывающему на ночную улицу. На часах: 23:03. В любую другую ночь я бы уже лёг спать. Но не в эту. Не когда рядом со мной сидит она.

Моё сердце бьётся всё сильнее. Замечаю, что нервничаю в её присутствии. Боюсь того, что может быть на её уме. А на её уме может быть всё что угодно. Не то чтобы мне не нравилось, что у неё в котелке варится, но иногда лучше бы в этот котелок лишней щепоти соли не добавляли.

Вдруг, она касается моего плеча. Я поворачиваю голову и...

Это происходит моментально. Мозгу не дано времени осознать происходящее. Мышцы каменеют в непонимании. Взгляд раскрыт, но все образы теряют словесную форму.

Её губы прижаты к моим. Я чувствую их пульсирующее тепло — один из миллиардов знаков её неостановимой любви. Для такого, как она, поцелуи были чем-то инопланетным, сверхъестественным, попросту невозможным. И я к этому привык, привык к тому, что ей проще лечь с тем, кого любит, в постель, чем сказать, что любит. Привык, что ей выразить любовь легче телом, чем мыслями. И эта привычка сыграла со мной злую шутку.

Я же должен был знать, что это произойдёт. С момента, как она предложила пройти ко мне домой, я должен был подозревать, что у неё что-то серьёзное на уме. Но я ничего не сделал. Даже не подумал, насколько серьёзны могут быть её намерения. Просто доверился ей. Вероятно, это к лучшему. Я бы не провёл эту ночь никак иначе.

Она валит меня на постель, и только тогда её губы отпускают мои. В комнате становится явно жарче. Воздух между нами преет, становится увесистее. Её взгляд сверкает полуденной молнией. Вот она, любовь.

Она стремится раздеться, снять с себя все слои одежды, что сковывают её тело, будто прямо сейчас она станет существом иным, более божественным, и широко расправит свои мягкие белоснежные крылья, так непохожие на неё. Я же пытаюсь хотя бы расстегнуть джинсы, но трясущиеся руки и гитаристка, усевшаяся на моём теле, мягко говоря, мешают. Но мы справились.

Я поднял глаза на её нагое тело. Буду честен, даже в одинокие ночи самоудовлетворения, я никогда не представлял её голой. Просто не мог. Очертания её худого тела, её груди с набухшими сосками, на удивление не пробитые металлом, — это было что-то невозможное, недостижимое. Несколько слоёв одежды и жёсткий, решительный характер скрывали то, что делают её женщиной, ровно также как то, что делает меня мужчиной, скрывается в боксерах под рваными джинсами. Но так казалось лишь тогда, и лишь в рамках моего сознания. То, что я вижу сейчас, реально. Я могу прикоснуться к нему. Попытаться слиться с этой непреодолимой красотой. Осознать, как же сильно я её люблю.

Осязание иного тела — странное явление. Как ни скрывай его под раскалённой любовью или дурманящей похотью, факт физического соприкосновения, особенно в первый раз для обеих сторон, всегда отпечатывается в сознании разрядами по костному мозгу и прежде невиданными пульсациями. Будто тело говорит одно, а мозг регистрирует совершенно иное, будто находишься в осознанном сне и не можешь этого понять.

Однако странность происходящего постепенно отпадает. Фокус на действии очень помогает в этом. Я сосредотачивал своё внимание на отдельных моментах, не пытаясь скомпоновать их вместе: на развевающихся волосах, на ясном её взгляде, на приоткрытых губах, на мягкой, прыгающей груди, на том, как она поднимается и опускается на мне, на том, как мы держим руки друг друга... Только под самый конец акта картина стала целой, и тут же разбилась об эякуляцию.

Вытащив из себя часть меня, она, обессиленная, падает на меня, будто мне легче. Потные тела соприкасаются и почти что свариваются легче от холода. Одну свою руку я кладу на её голую спину, а другой играюсь в волосах, и трепетание её шёлка клонит меня в сон. Я не стараюсь удерживать себя на плаву бодрости, полностью отдавая себя миру нереальному, лишь желая увидеть один сон на двоих.

Он был в шоке, но он старался изо всех сил это не показывать. Его единственной реакцией был лишь блеск удивления в чёрных, как пропасть, глазах. Выражение же её лица было невозможно классифицировать эмоционально — это удивление или шок, или нечто усреднённое, или вообще ни то, ни другое? Вероятно, эту реакцию вызвало меньше то, что я сказал, и больше то, как я это сказал. Для них мною сказанное — новость вселенского масштаба, нечто, что может поменять их вектор жизни навсегда. Для меня же это — обычный полдень воскресенья. Последний день августа, когда часы идут на счёт.

Гитаристка, в шоке, бросает свою гитару и выбегает на улицу. Я и басист наблюдаем за тем, как она впопыхах пытается сбежать от этой новости. Раздаётся громкий щелчок дверного механизма. Я чувствую некоторую неловкость. Или даже стыд. Стыд от того, как долго мне приходилось это от них скрывать.

— Значит уезжаешь, — говорит басист, и поворачивается ко мне. — На сколько?

— На четыре года, — отвечаю, со вздохом.

— Останешься там?

— Может быть. Может быть и нет. Это не от меня зависит. Я просто хочу, чтобы всё прошло гладко, без всякой суеты.

— Возвращаться будешь?

— Конечно. На праздники уж точно.

Мы вновь глядим на дверь закрытую дверь.

— Значит, всё, — говорит басист. — Группе конец.

— Наверное, — отвечаю. — Она же хотела, чтобы мы ворвались с двух ног в мир музыки. А теперь всё. Помнишь, что она говорила на выпускном? Если один уходит, группа распадается.

— Конечно помню. Ещё помню сколько я её убеждал что никто из нас не пропадёт друг без друга.

— А я помню, что её это нисколько не убедило. Уж очень она верила, что мы будем друг возле друга навсегда.

Я вздыхаю и встаю из-за барабанной установки.

— Пойду поговорю с ней лично, что ли, — говорю.

— Удачи, — отвечает басист.

Я неспеша выхожу из помещения для репетиций на улицу. Яркое светило стоит посередине на чистом голубом небе, похожем на море, в котором хочется плавать без усталости. На часах что-то около двенадцати. Город как может показывает свою жизнь всем, своими несчастными машинами и голосами настолько далёкими, что они как будто прилетают из иной эпохи.

Гитаристка стоит неподалёку. Я не знаю, как её успокоить. Не знаю с чего начать, чем закончить, что вставить между слов. В голове пусто, поэтому закуриваю, будто это даст мне идей для разговора. Она замечает моё присутствие по щелчку зажигалки и поднимает на меня свои глаза.

— Ты, это... прости меня, что ли, — говорю. Звучит глупо, звучит как будто мне не стыдно за то, что я сделал. Но иначе не могу сказать.

Она мотает головой.

— Нет, — говорит. — *Ты* меня прости.

— За что? — удивляюсь.

— За... За то что в группе играть заставила.

— Заставила? Я же захотел играть сам.

— Знаю, знаю! Но... всё равно чувствую, будто я волей-неволей, а всё же подтолкнула тебя к этому.

Я шагаю к ней и кладу пустую руку ей на плечо.

— Слушай, даже если это и так, то это ничего не меняет. Мне же понравилось играть в группе. Мне было прекрасно! Я делал что мне нравилось! С друзьями! И единственное, чего я хотел, так это чтобы вы тоже веселились! Это всё, что мне хотелось, понимаешь?

Она улыбается и мягко кивает. Её улыбка такая хрупкая, что мне хочется прямо сжать её в своих объятиях здесь и сейчас, но останавливаю себя — не сейчас.

На глазах уже образовалась слёзная плёнка. Я гляжу на них, и я бы мог прямо сейчас в них утонуть, лишь бы она была счастлива.

— Ну чего ты, — говорю, улыбаясь, и стираю эту плёнку с её глаз. — Я же не на совсем, понимаешь? Мы всё ещё друзья, и друзьями останемся навсегда. Я просто... не представлю свою жизнь без вас двоих.

Она ещё кивает, хлюпая носом.

Я докуриваю сигарету и обнимаю её, крепко-крепко. Она пытается обнять меня ответ со всей силы.

— Ты же... тоже заслуживаешь счастья, — говорит, голос её трясётся, будто она сейчас заревёт со всей силы. Ну и пусть. Я же здесь. Она же в моих руках.

Несмотря на свою натуру, эта блондинистая фигура в чёрных тканевых доспехах всё же жмётся ко мне как может, ломая иллюзию силы на корню. В любой иной момент она действовала решительно и упорно, не останавливаясь ни на чём. Она старается быть прямой в своих доводах и рассуждениях, расставить все точки над *i*, да так, чтобы на её «Вопросы?» ничего не было, даже возможности похихикать над её серьёзностью. Иногда она, конечно, перегибает

палку. Я не стану врать себе, думать, что не было у нас моментов, когда и без того хрупкая идиллия «начавшей группы», как она нас назвала, просто возьмёт и рухнет. Но это не упрёк. Так, просто всё то, что послужило прологом.

Вероятно, она станет винить себя тоже. Я уверен, она найдёт за что. За то, что не уследила. За то, что не извинилась в какой-то день за какой-то проступок. Или, что более вероятно, за то, что она просто не умеет играть и петь. Хотя... не. Это для неё не причины. Причина для неё может быть лишь одна: она не поспевала за моими телодвижениями, хотя и была фактически лидером этого состава, и без неё этой сходки, как и многих других за почти что целый год, да и ещё лет так десять до этого, не случилось бы.

Она много, много раз говорила о том, что «каждый из нас — полноправная часть этой команды безумцев», или что-то в этом роде. Мы подшучивали над ней из-за этого, ибо большая часть решений принимала, в конце концов, она. Хотя в её фразе всё же была доля правды. Если одного из нас нет, группа просто распадается. И эта самая доля правды всё это время звенело колокольчиком. Осторожно, чтобы никто не заметил.

Но наступила тишина. И мы все его слышали. И этот звон — последнее, что остаётся от нашей группы, которая скоро канет в лету.

Вглядываясь в небо, я вспоминаю с чего началась репетиция. С их удивления, оттого что я побрился и отрезал свои длинные до плеч локоны волос, уложив их в более-менее приличную причёску. Они всегда видели меня с этой взрослой щетиной, с этими сальными, неухоженными волосами, в этом прикиде, — и в итоге из меня выходил карикатурный панк, только чуть постарше чем нужно.

Конечно, мне самому не хотелось расставаться с этим видом. Однако осознание того, что меня, этого балбеса без признака осознания ближайшего будущего, приняли в этот слегка захудалый колледж, заставило меня в следующие дни осознать, как сильно я поменялся, как сильно я отделился от того пятнадцатилетнего «я», который до последнего верил, что ему ничего не поможет.

Вот такие моменты осознания чего-то, что очень скоро войдёт и переломает твою жизнь, они чудодейственные. Мозг не знает, что делать с этой информацией, с этим приближающимся событием, и начинает рыться до корней. Люди буквально превращаются на глазах в тех, в кого они не верили, что превратятся хоть когда-нибудь. Многие привычки, многие хобби, даже некоторые основополагающие для их персоны действия просто бросаются, уходят и ломаются под тяжким давлением будущего. В конце концов, сам этот человек смотрит на себя в зеркало и удивляется не тому, что он так поменялся, а тому, что от прежнего него за пару недель просто ничего не осталось.

Так и со мной. В начале августа я получил известие оттуда, откуда я не ждал — меня, с моими баллами, моей внешностью и характером, приняли в колледж. Я перечитал эту новость раз пять. Я не мог понять, кто надо мной решил так подшутить? С каждым перечитыванием мысль о шутке надо мной исчезала, однако лучше от этого не становилось. То есть... моя нынешняя жизнь *всё*?

Последующие две недели я провёл как будто в бреду. Не то чтобы я начал себя прям усовершенствовать как киборга, нет — ничего из того, что мне стоило бы сделать ряды улучшения себя, за те две недели не сделать. Те мероприятия нужно было начинать ещё ого-го сколько времени назад. Я занимался лишь одной доступной вещью, — приведением себя в порядок, как внутри, так и снаружи, — и как итог я выглядел чуть более чем уважаемо. Комнату я оставил как есть, ибо желал сохранить её как монумент себе прошлому.

Мои родители не могли не заметить и прокомментировали мои изменения во внешности и характере. Это произошло уже под конец этой неожиданной волны изменений. Я сначала их не понял и глянул на себя в зеркало — и тогда-то повязку с моих глаз сняли. Я увидел не себя в отражении, а кого-то другого. В крайнем случае, я увидел себя того, кто не связался с гита-

ристкой и басистом, и другими «со-вредителями» (как любили называть нас наши родители). Это был не я. Не тот я, который застрял в подростковом бунте, научившись хотя бы направлять его в нужное русло. Это был... перспективный молодой человек.

Как наркоман, увидевший всю подноготную своего «сгущенного блаженства» в лице помершей подруги, и сумевший преодолеть адские ступени наверх, из-под полы аддикции. Вот как выглядел тот человек, которого я увидел в зеркале. Тот человек, которым стал я.

Последнее что осталось от прошлого меня — способность умалчивать о всяком. Сколько себя помню, я умалчивал обо всём. О том, что у меня украли мою игрушку. О том, что мою тетрадь порвали. О том, что поссорился с родителями. И до нынешних пор — о том, что я скоро покину этот городок чтобы стать человеком.

Я пару раз моргнул, чтобы вернуть себя в реальность. Мои глаза немного колет от того, как долго я смотрел на яркое небо, а руки ноют от усталости, но я приказываю себя держать гитаристку столько, сколько это потребуется. Я даже не услышал её плача. Я уверен, она улыбалась.

Солнце проникало хитрым воров в комнату, пригревая волосы на голове. Это неприятное тепло удочкой выудило меня из мира сновидений, неприятно вернув в реальность. Одной рукой потирая глаза, поднимаю другую, дабы взглянуть на время. На часах: 6:02. Внутренний будильник сработал как надо.

С приходом сознания приходит и физическая лёгкость, но не в плане внутрителесной свободы, а отсутствия груза, лежавшего на мне часами ранее. Я опускаю взор до ног. Её нет. Гитаристка испарилась в ночи после нашего акта любви и глупости, оставив лишь смутное ощущение недосказанности, от которого горчит в горле.

Я отбрасываю от себя одеяло и поднимаю тело над уровнем кровати. Голые стопы опускаются на ковёр, утопая в нём. В комнате свежо и... чисто. Стол очищен от бумаг, одежда сложена в контейнер для стирки, а воздух пахнет ободряюще. Исчезнув, она забрала за собой ещё и бардак, который я хотел сохранить как дань памяти прошлому себе. На секунду может даже показаться, что как будто её и не было той ночью, а это я скрестил воспоминания в своей уставшей голове.

Я поднимаюсь, нахожу свои рваные джинсы и рубашку поло, услужливо оставленные на стуле, и выхожу с ними из комнаты. Спустившись вниз, встречаю родителей, вместе завтракающих за столом, ожидая лишь меня. В любой иной день, первым бы пошёл отец, а мать задержалась — иные часы работы, что сказать. Я прохожу мимо, в ванную, где принимаю быстрый душ, чтобы смыть с себя след прошлой ночи. Мною двигало не желание забыть, а наоборот — желание запомнить это как можно сильнее, чтобы душ смыл лишь пот, а не воспоминания.

Свежий, опрятный и чистый, я выхожу из душа и присоединяюсь к завтраку, сварганив себе пару бутербродов и кружку слишком уж сладкого кофе. Родители сохраняют молчание, как и я, просто поедая свой завтрак. Всякие слова, что можно было сказать, уже были давным-давно сказаны, и сейчас были попросту неуместны. Каждый из нас знает, что у нас на умах, и нет причины произносить это вслух.

После завтрака, мы все идём к парадной двери. Они наблюдают, как их единственный сын надевает кроссовки и берёт чемодан. По очереди, сначала мать, а потом отец, они обнимают меня, пытаюсь оставить свои объятья в моей памяти. Но по итогу я запомню лишь их усталые, но вечно любящие улыбки, желающие мне лишь удачи. Прощаясь с ними как минимум на полгода, я открываю дверь и выхожу из дома.

По пути к станции, я думаю о прошлом. О восемнадцати лет моей жизни. О десяти лет, проведённых с гитаристкой и басистом. О пяти лет за стеклянным прилавком магазина комиксов. Об одном единственном годе существования нашей группы. О той девушке в лёгком платье. О «плачущем» парке. О моих недавних изменениях. О моей ночи с гитаристкой.

Даже как-то глупо получается, оставлять этот город позади, но что поделать? Рука была протянута, и щупалец Столицы взял её, подав вместе с ней возможность заявить о себе. Всё было сделано в пользу этого решения, и попытаться отказаться от него сейчас просто невозможно, а если и возможно, то уж точно бессмысленно. Отвернуться сейчас для меня значит остаться в прошлом, что не вернуть из картинки, потрёпанного негатива, улыбающегося вслед.

Вскоре, я добрёл до станции, и стоя в ожидании автобуса, я продолжаю вспоминать, в особенности вспоминать вчерашний день. Сейчас для меня он стал некоторым прологом для нового этапа моей жизни, для моей «новой игры+». И это радует. Меня радует что я смог обернуть себя вспять и поменяться ради лучшего, превратить прошлое не в клетку стагнации, а в ступень, на которой я стою и от которой вскоре оттолкнусь, чтобы двигаться дальше ввысь.

Когда на горизонте я видел приближающийся междугородник, а воспоминания в голове закончились, я вдруг услышал знакомый топот кроссовок. Я повернулся и... увидел гитаристку. Она бежала ко мне на всех порах. Остановившись в шаге от меня, она выдохнула с хрипом.

— Успела... — пробормотала она.

Я лишь улыбнулся.

— А где наш басист? — спрашиваю.

— Он сказал... что не может... и просит... прощения.

— Ну, прощаю, раз уж так.

Она поднимает на меня свои янтари и улыбается как можно шире. И ни мысли в них о том, что произошло той ночью. Видимо, мы оба понимали, что это зиждилось в нас, что мы оба этого хотели, и всё, что мы могли сказать сейчас, уже было сказано тогда. По крайней мере, именно в это я верю. Что-что, а ночь с тем, кто нашёл в моей памяти для себя место, кому было страшно остаться иллюзией красивого, беззаботного прошлого, было неожиданно.

Она протягивает что-то в своих руках. Кассета. Я беру её.

— Тебе не стоило... — говорю.

Она не ответила. Она даже не дала мне договорить. Улыбаясь, она подошла ближе и, покуда я был беззащитен, заставила мой мозг запомнить её раз и навсегда, своими губами прижавшись к моим. Вкус её поцелуя был так нежен, как розочка под покровом стекла в космической ночи. Затем, она отходит, улыбается и, ничего не говоря, уходит. Мне же больше ничего не оставалось, кроме как грузиться в автобус.

Уже в автобусе, примерно на полпути, я вытащил коробочку с кассетой и оглядел её. Явный самопал, но очень качественный, сделанный с душой, видно по яркому оформлению. Внутри коробочки лежит какой-то бумажный вкладыш. Я вытаскиваю кассету, нахожу свой плеер, вставляю его и включаю музыку, а затем беру эту записку читаю.

«Un jour je serai de retour près de toi»¹

В ушах играет знакомые ритмы, а через пару секунд раздаётся голос. Её голос.

Я улыбаюсь, отворачивая взгляд к яркому небу.

¹ перевод — Однажды, я вернусь к тебе.

Грайндкор

Тёмная, грязная, вонючая подсобка за сценой. В любой иной день она пустует, однако сегодня проводится концерт. Толстая стена не пропускает никакого возгласа со стороны бухнувшей, как почка на ветке, толпы. Они уклеены постерами и исписаны маркером, втиснувшись в текстуру — эдакий вызов из прошлого. Некоторые постеры и маркерные заметки остались от «знаменитостей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.